

Екатерина СЕРДЮК

ТВИН ПИКС

Уравнение с неизвестной [икс] —
неизвестной, но без конца искомой:
этот город смахивал на Твин Пикс
ещё до того, как он стал мне домом.
У кого-то — белый в кармане брюк,
у кого-то — горы взрывного спайса.
Избегать ошибок — дешёвый трюк.
Это значит: детка, не зарекайся.
Не садись за руль, не считай столбы
на неосвещённой пустой дороге,
на пути туда, где возможно быть
кем угодно, только не недотрогой;
собирайся в колледж, пиши стихи,
демонстрируй правильность и прилежность,
ограничься только полусухим —
но процесс запущен, и неизбежно
уравнение с неизвестной [я]
оборвётся где-то на грани марта.

Это знаешь, что?
Это Питер Мартелл
наконец нашёл меня у ручья.

ПОЕХАЛИ

Готов? Поехали. Дубль первый.
Точнее мысли, острее взгляд.
Мне лучше сделаться милой стервой,
тебе — прикинуться, будто рад.
Допили кофе. Оделись. Вышли —
бродить по разным, по сути, снам.
Мы не нужны тем, кому мы пишем,
и так же с теми, кто пишет нам.

Немного больно, немного страшно.
Немногословны, немного мы —
рисуем всем, чем рискует каждый,
пытаясь выбраться из тюрьмы.
А голос сердца все тише, тише...
К чему подсказки? Всё знаешь сам:
мы не нужны тем, кому мы пишем,
и так же с теми, кто пишет нам.

И перманентно нас рвут на части,
бросают в дрожь, выбивают пот
такие игры в любовь и счастье,
где ставка больше, чем весь джек-пот.
И если ты ничего не слышишь —
читай отчаянье по губам:
мы не нужны тем, кому мы пишем,
и так же с теми, кто пишет нам.

ФОРС-МАЖОРЫ

Форс-мажоры придуманы не для нас,
всё случится по графику, точно в срок.
Будут крики навывлет и соль из глаз,
будешь пальцы наматывать на курок,
буду сопли наматывать на кулак,
будем нервы натягивать вместо струн,
будут Штуттхоф, Освенцим, Дахау, ГУЛаг,
апокалипсис, швах, Götterdämmerung.

Будет голос — до хрипа, до немоты,
будут палки в колёса, под хвост шлея,
будет кто-то чувствительнее, чем ты,
будет кто-то решительнее, чем я,
будут снова костяшки лететь к стене,
будет выжженный город — горящий Рим,
будет что-то пульсировать там, в огне —
чем докажешь, что это не мы горим?..

Будет время, закрученное в спираль,
разворачивать щупальца, бить кнотом,
будет всё — и зима, и пустой февраль
не по-женски из горла, но всё — потом.
А сейчас ты сидишь у меня внутри
и за ниточки дёргаешь, как дурак, —
и сиди. И ни слова не говори,
потому что пока ещё не пора.

НИ ДО, НИ ПОСЛЕ

Ни до, ни после, ни даже между
не будет больно, не будет страшно.
Я опускаю свой щит бумажный
и меч — заточенный карандаш.
Всё станет точно таким, как прежде —
до первой скуренной сигареты.
Одна беда — даже в темноте ты
мне восемнадцати лет не дашь.

А это значит — уходит время,
уходит в штопор незримой тенью —
мой врач, учитель мой неизменный,
мой персональный маркиз де Сад.
Но я хочу убежать от тени
и спрятать сны в телефонной будке —
и здесь кончаются предрассудки
и начинаются чудеса.

ИДИЛЛИЯ

Все говорят, что мы — не пара,
что слишком много разных «но»,
что мы похожи, как гитара
и первосортное бревно, —
но я-то знаю: все неправы,
готова клясться на крови,
что все твои ко мне предьявы —
лишь проявления любви:
«Сегодня в супе мало соли,
в печенье много имбиря»...

Бегу отмачивать мозоли
в твоей джакузи. Втихаря.
Ну что ты, нет, какая шуба —
ведь куртке только десять лет...
Я на работу, ты из клуба —
ну здравствуй! Завтрак на столе.

Изобрази теперь усталость,
брось томный взгляд на свой портрет.
Я о тебе всю жизнь мечтала —
поставить в угол и смотреть,
сдувать пылинки, раз в неделю
водой горячей обдавать,
и не давать заниматься делом,
и даже вовсе — не давать!..

*

Уже четвёртый день мы вместе,
а значит — точно навсегда.
Все по порядку: я невеста,
жена, вдова... «Согласна?..» — «Да!»

И, без препятствий, как по рельсам —
в довольно скучный хэппи-энд:
ты едешь за костюмом в Strellson,
а я — за платьем в Second Hand.
Совет, любовь. И в счастье зыбком —
мой, пробирающий до слёз,
извечный запах эпоксидки;
твой неизменный Hugo Boss.

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

*Давай начнём.
Разговор недолгий,
но больно трудный —
покончим с ним.*

...Послушай, девочка — всё без толку.
К таким, как ты, не приходят в сны.
Таких, как ты, не пускают ближе,
с такими вдумчиво мнут постель,
а сразу после меняют их же
на чашку утренних новостей.
Таких не водят по ресторанам,
кафе и барам. А по утрам
их оставляют трезветь под краном
до новых встреч [первоклассных драм].

Вот, кстати, утро. Трезвей и помни —
таких, как ты, не пускают в дом,
таким не греют теплом ладони,
не греют душу сухим вином;
таких, как ты [как слова] — на сдачу,
таких полно — только ни к чему...

А ты всё рвёшься, а ты всё плачешь,
и по конвертам себя — ему.
Да есть же тысячи разных судеб —
на счёте «пять» выходи искать...

ПУНКТИРОМ

...*Мне четыре.* Я покупаю хлеб,
как всегда, дотошно считаю сдачу.
Я хочу быть ведьмой, чтоб на метле,
и ещё конфет, но не буду клянчить.
Разрисован мелом асфальт у ног —
там, конечно, солнце и пара кошек.
Я приду и стану смотреть кино
про таких же маленьких глупых крошек.
Я люблю варенье и рисовать,
и пою, когда ухожу в кровать.

...Мне двенадцать. Я продолжаю быть,
по ночам пугаясь любого звука,
по дороге в школу считать столбы
и Настюху лучшей своей подругой;
на уроках руку всегда тяну,
отвечаю громко и как по нотам,
я люблю Вивальди и тишину,
ненавижу Моцарта и енотов,
и гоняю гаммы по часу в день,
не нуждаясь в мультиках и еде.

...Мне пятнадцать. Вяло бреду домой.
Мне разбили голову в школьной драке.
И пускай победа была за мной —
я сжимаю зубы, чтоб не заплакать.
Дома тоже битва, но — кто бы знал?.. —
за свободу действия, мысли, слова...
Мимо уха бойко летит пенал.
Слишком рано, мама, я не готова.
Я прикинусь маленькой и немой.
Но однажды время придёт. За мной.

...Девятнадцать. Сутками у станка.

Не война, кажись, и не в третьем мире —
просто выбор мой невелик пока.
Я сама снимаю себе квартиру.
Я хожу в обносках и каши ем,
с переходом плавным на хлеб и воду.
И ещё мне хочется жить. Зачем?
Чтобы всё не зря — типа, зов природы.
Я боюсь отчаянно темноты
и люблю котов (и меня — коты).

...Я почти закончила универ,
вот ещё полгода — и я с дипломом.
Я хочу уехать туда, к Неве.
Я хочу быть нужной и не бездомной.
Я сходила замуж, пора назад —
возвращаться, краситься, поправляться;
и плевать, что некому рассказать,
что ещё чуть-чуть — и готова сдаться.
Я устала верить. *Мне двадцать два* —
и я уже, по-моему, не жива

НЕПРИВЫЧНО

Каждый новый день - бесконечный блюз.
Сонный город в нём без остатка тонет.
Я гитарой грею свои ладони,
на улыбке странной себя ловлю.

Каждый новый мир неизменно мил,
каждый новый мэн непременно старше.
Здесь красиво, будто на патриарших,
за открытыми [навсегда] дверьми.

Я стою с мороженым на ветру.
И теперь неважно, что век недолог.
Мне становится непривычно дорог
каждый прежний друг.
Настоящий друг.

НЕВЗНАЧАЙ

А она всё время ждала кого-то,
без особо веских на то причин,
И любила мальчиков по субботам,
а по воскресеньям — уже мужчин.
И пила по вторникам капучино,
а по пятницам — с бергамотом чай,
и жила — опять-таки без причины —
незаметно, нервно и невзначай.

Загоралась ярко — но тут же меркла,
прикрываясь мнимой своей тоской.
Собирала марки, снимала мерки,
созерцала мир сквозь калейдоскоп.
По утрам казалась довольно близкой
тем, кто рядом, кто не отводит глаз.
Вечерами томно цедила виски,
и неважно, где, лишь бы фоном — джаз.

Убегала из дому утром ранним
на природу — вечная пастораль,
и ценила дальние расстоянья —
так спокойней, правда же? Просто рай.
И держала всех у себя на мушке,
и сама боялась своих идей,
и летала в Питер — лишь потому, что
как-то ночью Питер приснился ей.

